

Научная статья
УДК 343.14
doi: 10.17223/15617793/512/26

Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора как составную часть права на защиту: анализ явления, ошибки и рекомендации

Владимир Владимирович Конин^{1, 2}, Анна Васильевна Кудрявцева^{3, 4}, Александр Васильевич Петров⁵

^{1, 3, 5} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

² Адвокатская палата Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Санкт-Петербургский городской суд, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} vkonin.kld@yandex.ru

^{3, 4} acifna@mail.ru

⁵ petrov_av2012@mail.ru

Аннотация. Право на защиту в уголовном судопроизводстве гарантировано ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ. Это право трактуется исключительно как право на защиту от возникшего подозрения либо выдвинутого обвинения и распространяется исключительно на лиц, имеющих статус подозреваемого и обвиняемого, и действует на досудебной и судебной стадиях. Вместе с тем понимание права на защиту в уголовном судопроизводстве в широком смысле включает в себя не только защиту на досудебной и судебной стадиях от обвинения, но и право на оказание квалифицированной юридической помощи в стадии исполнения приговора, когда обвинение уже реализовалось, приговор суда вступил в законную силу и начал исполняться. Настоящая статья продолжает серию исследований, проведенных различными авторами, по вопросам оказания квалифицированной юридической помощи в стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: право на защиту, посткриминальное поведение, осужденный, органы исполнения наказания, состязательность, предмет доказывания, пределы доказывания, адвокат, ошибки в осуществлении защиты

Для цитирования: Конин В.В., Кудрявцева А.В., Петров А.В. Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора как составную часть права на защиту: анализ явления, ошибки и рекомендации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 242–251. doi: 10.17223/15617793/512/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/26

The right to qualified legal assistance during sentence execution as a component of the right to defense: Analysis of the phenomenon, errors, and recommendations

Vladimir V. Konin^{1, 2}, Anna V. Kudryavtseva^{3, 4}, Aleksandr V. Petrov⁵

^{1, 3, 5} Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg Chamber of Lawyers, Saint Petersburg, Russian Federation

⁴ Saint Petersburg City Court, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} vkonin.kld@yandex.ru

^{3, 4} acifna@mail.ru

⁵ petrov_av2012@mail.ru

Abstract. The right to defense in criminal proceedings is guaranteed by Article 48 of the Constitution of the Russian Federation and Article 16 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. But, as the analysis of these norms shows, it is interpreted exclusively as the right to protection from suspicion or accusation, and applies exclusively to persons with the status of the suspect and the accused, and operates at the pre-trial and judicial stages. At the same time, the understanding of the right to defense in a broad sense includes not only protection at the pre-trial and judicial stages from prosecution, but also as the right to provide qualified legal assistance in the post-trial stages, in cases where the charge has already been realized, the court verdict has entered into force and has begun to be executed, i.e., at the stage of execution of the sentence. The aim of the study is to prove that at the stage of execution of a sentence a lawyer provides qualified legal assistance to a convicted person, which consists in protecting his rights, and to show, based on an analysis of the principles of criminal proceedings, which tools and means available in the lawyer's arsenal can achieve the greatest favorability for the fate of a convicted person at the sentence execution stage, avoiding mistakes in very evaluative categories of criminal procedure legislation and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the conducted research, it is inferred that the right to defense at the sentence execution stage is manifested in the provision of qualified legal assistance by a lawyer, which is not to defend against the prosecution, but to protect the rights of the convicted person at the stage. The participation of a lawyer in resolving issues listed in Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the side of the convicted person

should be subject to the rules of Article 51 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, applied by analogy, since a person in the status of a convicted person is limited in his rights in connection with the execution of punishment and needs qualified legal assistance no less than a person in the status of the suspect, accused, and defendant. At the same time, at present, the right to protection at this stage is dispositive and does not fully apply. The subject matter and limits of proof also have their own characteristics. Based on the analysis of judicial practice, the mistakes of lawyers have been identified and analyzed, and recommendations for their prevention have been proposed. It is concluded that the convicted person must be protected from unjustified deterioration of his position through the implementation of the principles of competition, equality of the parties and the right to defense, and the opportunity to challenge the possible deterioration of his position in court proceedings.

Keywords: right to defense, post-criminal behavior, convicted person, enforcement authorities, adversarial nature, subject of proof, limits of proof, lawyer, errors in the implementation of protection

For citation: Konin, V.V., Kudryavtseva, A.V. & Petrov, A.V. (2025) The right to qualified legal assistance during sentence execution as a component of the right to defense: Analysis of the phenomenon, errors, and recommendations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 242–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/26

Введение

Любое общество заинтересовано в пресечении и подавлении преступности с тем, чтобы лицо, совершившее преступление, понесло за это заслуженное наказание, назначенное приговором суда, которое должно быть законным и, что не менее важно, обязательно справедливым. Также задачей наказания за совершенное преступление является предотвращение повторного совершения преступления, борьба с рецидивом и профилактика преступлений среди лиц, ранее не совершавших преступления.

Вместе с тем, как было отмечено В.И. Качаловым, в стадии исполнения приговора судом по месту отбывания наказания возможна коррекция приговора в рамках ст. 397 УПК РФ [1. С. 107].

Сразу хотелось бы отметить, что приговор – это окончательное решение суда по рассмотренному уголовному делу по вопросу виновности либо невиновности в инкриминируемом подсудимому деянии, за которое он привлечен к уголовной ответственности. В случае если приговор является обвинительным, в нем дается оценка каждому эпизоду преступных действий, вмененных подсудимому, и назначается наказание за каждое совершенное преступление.

Изменение сущности приговора, фактических обстоятельств уголовного дела возможно в проверочных стадиях уголовного судопроизводства, когда суд вышестоящей инстанции может исключить из приговора какие-либо эпизоды преступной деятельности, переqualифицировать вмененные преступные деяния на иную статью УК РФ, изменить назначенное судом первой инстанции наказание либо отменить приговор суда первой инстанции и вынести новый приговор. При этом коррекция приговора может носить как позитивный, так и негативный характер для осужденного.

Исходя из решений высших судебных органов¹, осужденный в стадии исполнения приговора при решении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, не утрачивает право на помощь адвоката (защитника). При этом по некоторым из них, в частности, когда решается вопрос об ухудшении положении осужденного, например, при отмене условного осуждения, замене назначенного судом наказания на более строгое, полагаем необходимым предусмотреть обязательное участие адвоката в судебном заседании. В юридической

литературе абсолютно верно отмечается, что «в теории уголовного процесса так и не выработано определенных позиций по вопросу права на защиту в стадии исполнения приговора» [2. С. 2–5; 3. С. 90–97], и, в частности, констатируется, что нет ответа на вопросы, о разъяснении осужденному, к которому применяются меры принуждения в стадии исполнения приговора его права, обязанность и ответственность, вопросы возможности рассмотрения вопросов об отмене условного осуждения [4. С. 178]. Необходимо отметить, что вопрос о необходимости участия защитника в стадии исполнения приговора поднимался еще в советское время [5. С. 73].

Основная часть

Возражая В.И. Качалову, полагаем необходимым отметить, что в стадии исполнения приговора коррекции подлежит не сам приговор, а исключительно наказание, назначенное по приговору суда, и только по тем вопросам, которые указаны в ст. 397 УПК РФ, поскольку суд, рассматривающий материалы в порядке ст. 397–399 УПК РФ, не вправе давать иную оценку действиям осужденного, за совершение которых он признан судом виновным и ему назначено наказание. Это относится как к вопросам наказания, так и к так называемым «сомнениям и неясностям», разъяснение которых не может затрагивать сущность приговора.

Одним из оснований коррекции наказания является поведение осужденного после вынесения приговора (посткриминальное поведение), поскольку, как совершенно справедливо было отмечено авторами, «оценивая степень исправления осужденного, важно учитывать не только его поведение в пределах исправительного учреждения, но и готовность вхождения в социум» [6. С. 202].

Следует выделять позитивное и негативное посткриминальное поведение осужденного. Под позитивным посткриминальным поведением осужденного понимается поведение, одобряемое обществом – искреннее раскаяние в совершенном преступлении, принесение извинений потерпевшему, возмещение (заглаживание) вреда, причиненного преступлением, занятие общественно полезной деятельностью, отказ от криминальной идеологии, совершение общественно полезных действий во время отбывания наказания, отсутствие нарушения режима отбывания наказания.

По мнению М.А. Кауфмана, под негативным посткриминальным поведением следует понимать «...отрицательное, имеющее антисоциальную направленность, противоправное, но не содержащее признаков состава преступления деяние лица (действие или бездействие), ранее совершившего преступление» [7. С. 53–60]. К негативному посткриминальному поведению также следует отнести продолжение противоправной, в том числе и преступной деятельности, т.е. совершение лицом как административных правонарушений, так и новых преступлений после осуждения за совершенное преступление.

Рассматривая вопросы стадии исполнения приговора, необходимо отметить, что именно негативное посткриминальное поведение осужденного влечет за собой, соответственно, негативную коррекцию наказания, назначенного судом. Основанием для негативной коррекции наказания служат допущенные осужденным нарушения в виде совершенных административных правонарушений, преступлений, а также неисполнение возложенных на него судом обязанностей.

Так, например, ст. 190 УИК РФ раскрывает, что следует понимать под негативным поведением, которое может служить основанием для негативной коррекции наказания в стадии исполнения приговора. В то же время необходимо отметить, что любая коррекция наказания всегда преследует два интереса – частный и публичный, что нами уже отмечалось ранее [8. С. 106].

Публичный интерес, в случае корректировки наказания в стадии исполнения приговора, будет выражаться в следующем:

- в случае позитивного изменения наказания: общество имеет право не только на наказание за совершенное преступление, но и на прощение в случае позитивного посткриминального поведения, осознания своей виновности и принятия мер по исправлению, возмещению либо заглаживанию причиненного преступлением вреда;

- в случае негативного изменения наказания: назначение справедливого наказания лицу за совершенное преступление, если лицо не восприняло в должной мере назначенное судом достаточно мягкое наказание и не предприняло достаточно мер для осознания своего поведения, возмещения либо заглаживания вреда и последующей ресоциализации.

При изменении наказания в стадии исполнения приговора можно проследить и частный интерес:

- при позитивной коррекции наказания: в улучшении положения осужденного (смягчение вида наказания либо изменение вида исправительного учреждения; условно-досрочное освобождение и т.д.);

- при негативной коррекции наказания: осужденный отрывается от своего окружения, оказывающего на него негативное влияние, прекращает вести антиобщественный образ жизни, получает возможность осознать пагубность своего поведения и может попытаться изменить его.

Рассмотрение вопроса о возможной коррекции наказания производится в судебном заседании, которое, как правило, является открытым, с соблюдением установленного УПК РФ ритуала судебного разбирательства, с соблюдением прав участников судебного

разбирательства, в том числе и с соблюдением принципов уголовного судопроизводства.

Анализ изученных материалов, рассмотренных районными судами Калининградской области, а также Санкт-Петербурга в порядке ст. 397 УПК РФ, позволил сделать вывод о том, что основная масса решений по коррекции наказания выглядит следующим образом:

- нейтрально-позитивная коррекция, связанная с изменением уголовного законодательства (декриминализация или частичная декриминализация деяния в соответствии со ст. 10 УК РФ) [9. С. 95–101];

- позитивная коррекция наказания: улучшение положения осужденного в связи с позитивным посткриминальным поведением;

- негативная коррекция наказания: ухудшение положения осужденного, ранее приговоренного к наказанию, не связанному с лишением свободы, в связи с отрицательным посткриминальным поведением в период отбытия наказания.

Решение суда о корректировании наказания, назначенного по приговору суда, не может быть произвольным и должно базироваться на информации, проверенной и оцененной судом, получившей в процессе судебного разбирательства статус доказательства, которое, в свою очередь, должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым к ним УПК РФ.

В связи с этим необходимо отметить, что доказывание в современном российском уголовном судопроизводстве неразрывно связано с состязательностью, поскольку одной из его составляющих является распределение бремени доказывания между сторонами.

Принцип состязательности всегда возникает и реализуется в процессе уголовного судопроизводства исключительно при наличии у сторон разных интересов. Так, на досудебной и судебной стадии задача стороны обвинения заключается в том, чтобы реализуя принцип публичности, доказать виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности. Задача стороны защиты заключается в том, чтобы доказать необоснованность выдвинутого обвинительного тезиса, как в полном объеме, так и в части, и тем самым улучшить положение лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Как реализуется принцип состязательности в стадии исполнения приговора, принимая во внимание отсутствие обвинения и защиты как уголовно-процессуальных функций в этой стадии? В условиях, когда не действует принцип презумпции невиновности, поскольку вступил в силу обвинительный приговор?

Можно утверждать: в стадии исполнения приговора деятельность по доказыванию позитивного посткриминального поведения осужденного фактически возложена на самого осужденного. Таким образом, явочным порядком в одной из стадий уголовного судопроизводства действует принцип презумпции виновности, присущий гражданскому и арбитражному судопроизводству и заключающийся в том, что каждая из сторон доказывает те обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих доводов. Суд по ходатайству осужденного, рассматривая вопросы о возможной позитивной коррекции наказания, может помочь в собирании информации, свидетельствующей о позитивном посткриминальном поведении осужденного².

Тем самым осужденный, доказывая свое позитивное посткриминальное поведение и исправление, фактически состязается не с обвинением, как на досудебной и судебной стадиях, а со сложившемся в обществе негативным и критическим мнением о лицах, совершивших преступление и отбывающих наказание.

Деятельность по доказыванию негативного посткриминального поведения осужденного, фактов неисполнения либо нарушения возложенных приговором на осужденного обязанностей и ограничений лежит на стороне, осуществляющей исполнение наказания и контроль за надлежащим поведением осужденного, которая не является стороной обвинения, в соответствии с п. 47 ч. 1 ст. 5 УПК РФ. Полагаем необходимым отметить, что в УПК РФ никак не определен процессуальный статус этого участника судопроизводства.

Доказывание в данном случае будет заключаться в том, что уголовно-исполнительной инспекцией, как стороной, осуществляющей контроль за надлежащим поведением осужденного, суду должна быть предоставлена информация, бесспорно свидетельствующая о негативном посткриминальном поведении осужденного. При этом информация, предоставляемая органом, исполняющим наказание, несмотря на то, что формально она не является доказательством, в соответствии с требованиями, установленными УПК РФ, все же должна отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности быть достаточной для придания этой информации судом статуса доказательства и вынесения на ее основе судом законного и обоснованного решения, которым будет ухудшено положение осужденного либо отказано в удовлетворении требований органа, исполняющего наказание.

Решение суда будет являться законным и обоснованным лишь только в том случае, если при рассмотрении материала были соблюдены не только все нормы УПК РФ, но и приняты во внимание принципы уголовного судопроизводства, которые действуют в стадии исполнения приговора.

Рассматривая вопросы действия принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения наказания, полагаем необходимым отметить, что не все принципы уголовного судопроизводства, перечисленные в гл. 2 УПК РФ, действуют в этой стадии, а те, которые действуют, имеют иной объем по сравнению с досудебной и судебной стадиями. Так, например, в стадии исполнения приговора в отношении осужденного не действует конституционный принцип презумпции невиновности, поскольку презумпция невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, опровергнута вступившим в законную силу приговором суда. Некоторые авторы предполагают, что в этой стадии не в полном объеме действует принцип законности [10. С. 269], что опять же объясняется отсутствием обвинения, сформированного в процессе расследования уголовного дела на основе собранных доказательств и их последующей проверки, исследования [11. С. 19–23; 12. С. 47–54] и оценки, и таких участников, как дознаватель, следователь, подозреваемый и обвиняемый.

Принцип права на защиту в рассматриваемой стадии должен толковаться не как защита подозреваемого и обвиняемого от выдвинутого обвинительного тезиса, а как наличие реального доступа к получению квалифицированной юридической помощи, как возможность осужденного в полном объеме оспаривать действия органов, исполняющих наказание при ухудшении его положения. Таким образом, мы видим, что данный принцип наполнен иным содержанием и действует в иных границах по сравнению со стадиями досудебного и судебного производства.

Так, например, О. В. Воронин полагает, что в стадии исполнения приговора действует право осужденного на защиту и предоставление адвокату осужденного статуса защитника обусловлено не только расширенным пониманием защиты, но и соображениями практического плана [2. С. 2–5]. Данное мнение нуждается в уточнении пределов права на защиту, поскольку закон не предусматривает обязательное участие адвоката в стадии исполнения приговора, соответственно, фактически сущность деятельности адвоката в этой стадии ближе к институту представительства, чем к институту защиты. Вместе с тем вполне возможно распространять в этой стадии действие норм ст. 50–53 УПК РФ и на адвоката, имея в виду отсутствие в этой стадии функции обвинения и выполнение адвокатом функции оказания квалифицированной юридической помощи и совершение действий, направленных за защиту законных интересов осужденного.

Так же, в несколько иных пределах и с иным наполнением по сравнению со стадиями досудебного и судебного производства, продолжает действовать принцип равноправия сторон [13. С. 128–133].

Специальные условия действия этих принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения приговора, безусловно, влияют и на содержание права на доступ осужденного к квалифицированной юридической помощи, которая фактически выступает элементом права на защиту.

Изменение пределов действия перечисленных выше принципов связано с отсутствием уголовного дела, сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса и защиты от него, а также иной процедурой судебного разбирательства по сравнению с рассмотрением уголовного дела в суде первой инстанции, иным предметом доказывания и иными пределами доказывания.

Полагаем необходимым отметить, что предмет доказывания в стадии исполнения приговора имеет свои особенности и не совпадает с общим предметом доказывания, перечисленным в ст. 73 УПК РФ, как и пределы доказывания, установленные ст. 252 УПК РФ³.

Эти отличия хорошо просматриваются на примере анализа ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, которая закрепляя право на защиту в уголовном судопроизводстве, устанавливает следующее:

2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения⁴.

Конституционные положения о праве на защиту были конкретизированы и раскрыты в ст. 16 УПК РФ:

1. Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

2. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами.

3. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно⁵.

Как видно из приведенных выше норм, право на защиту в уголовном процессе как в части обязательного участия адвоката-защитника на досудебной и судебной стадиях, так и обязанности властных субъектов обеспечить право на защиту, носит императивный характер, и нарушение этого права дознавателем, следователем либо судом влечет за собой негативные последствия для доказывания виновности лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. Об императивном характере права на защиту свидетельствуют также положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Таким образом, анализ ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ позволяет сделать вывод, что направленность этих норм и их детальная реализация в полном объеме возможны только на досудебной стадии и стадии судебного разбирательства.

Иная ситуация с реализацией права на квалифицированную юридическую помощь, которая выступает составной частью права на защиту, складывается в стадии исполнения приговора.

Поскольку в этой стадии отсутствует уголовное дело и обвинение (уголовное преследование), следовательно, отсутствуют и такие процессуальные участники, как подозреваемый и обвиняемый, дознаватель, следователь, государственный обвинитель. Участие прокурора в стадии исполнения приговора носит факультативный характер, что, по мнению В.И. Качалова, является неправильным [14. С. 62].

Как отмечал Ю.К. Якимович, «“защита” в уголовно-процессуальном законодательстве РФ понимается в узком смысле: как защита от уголовного преследования. Необходимость защиты появляется с началом уголовного преследования. Нет уголовного преследования – нет и защиты. Прекращается уголовное преследование (обвинительный приговор вступает в законную силу), прекращается и защита. Правильно это или нет – вопрос непростой, но такова позиция законодателя» [15. С. 80–81].

В стадии исполнения приговора право на квалифицированную юридическую помощь, как составную

часть права на защиту, из императивного превращается в диспозитивное. Это проявляется в том, например, что ч. 4 ст. 399 УПК РФ закрепляет для осужденного возможность (но не обязанность) реализовать защиту своих прав с помощью адвоката. В дополнение к этому ч. 4 ст. 89 УИК РФ устанавливает, что юридическую помощь осужденному могут оказывать и иные лица, не имеющие статус адвоката. Насколько участие указанных лиц эффективно, а оказываемая ими осужденным юридическая помощь является квалифицированной – сказать очень трудно, поскольку анализ изученных материалов в архивах судов не позволяет прийти к какому-либо обоснованному выводу, так как основная масса лиц, заявленных в данном качестве, фактически являлась близкими родственниками осужденного и использовала предоставляемое представителю право на свидание с доверителем совсем не с целью оказания квалифицированной юридической помощи. К этому выводу позволяет прийти и анализ качества процессуальных документов, составленных с участием лиц, допущенных в качестве защитников, но не имеющих статус адвоката (использование общеупотребительных фраз, жаргона, расширительное толкование закона и т.д.).

Вместе с тем, рассматривая реализацию права на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора осужденному как составную часть права на защиту, необходимо обратить внимание на содержание прав, предоставленных УПК РФ обвиняемому и осужденному. По этому поводу В. Корниенко приходит к обоснованному выводу: «...можно констатировать существенное ущемление прав осужденного в судебном разбирательстве по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора. Это не только ущемляет его конституционные права как гражданина России, но и не соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, принятым ООН в 1955 г.» [16. С. 72–73].

В связи с этим, по мнению некоторых авторов, в стадии исполнения приговора функция защиты не осуществляется [17. С. 543; 18. С. 3]. Действительно, если подходить с позиции формального толкования, защита, как она расписана в Конституции РФ и УПК РФ, в стадии исполнения приговора не осуществляется, поскольку отсутствует обвинение и спор сторон о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении. И все же полагаем, что данная точка зрения является предметом дискуссий.

Попытаемся это объяснить следующими рассуждениями. Право на защиту и функция защиты неразрывно связаны с уголовным судопроизводством и зависят от наличия обвинения как основной структуры уголовного судопроизводства и уголовного дела как главного фактора уголовного преследования. Задача защиты в уголовном судопроизводстве заключается в улучшении положения доверителя (подзащитного). Так, на стадии расследования и стадии судебного разбирательства функция защиты заключается в оспаривании выдвинутого обвинительного тезиса, как в полном объеме, так и в части, предоставление дознава-

телю, следователю и суду доказательств, свидетельствующих в пользу подзащитного и улучшающих его положение, как полностью (оправдание), так и в части (признание виновным в меньшем объеме по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом).

В то же время в стадии исполнения приговора право на защиту от обвинения преобразовывается в право на оказание и получение квалифицированной юридической помощи, имеющее своей целью защиту от возможного ухудшения положения осужденного, на защиту законных интересов осужденного, объем которых значительно меньше, чем у обвиняемого. В стадии исполнения приговора функция защиты заключается в первую очередь в оспаривании действий и решений органов, исполняющих наказание, которые ухудшают положение доверителя, а также отстаивание в суде интересов доверителя в случае возможности позитивной либо негативной коррекции наказания, назначенного по приговору суда.

Таким образом, защита как вид уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора существует, что отмечают и другие ученые [19. С. 302–304; 20. С. 34–37], но, необходимо это особо подчеркнуть, в связи с особенностями, свойственными этой стадии, реализуется в ином виде и ином объеме.

В то же время анализ практики показал, что участие адвоката при рассмотрении судами материалов при разрешении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, является достаточно незначительным, чаще всего они участвуют при разрешении судами вопроса о применении УДО или об изменении вида исправительного учреждения на основании ст. 78 УК РФ, либо о замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, т.е. в ситуации позитивного корректирования наказания, назначенного по приговору суда, которым ранее осужденному было назначено более строгое наказание.

Анализ изученных материалов позволил прийти к выводу о том, что в случаях негативной коррекции наказания, т.е. ухудшения положения осужденного, участие адвокатов должно быть обязательным, особенно если осужденный имеет физические либо психические недостатки, в недостаточной мере владеет языком, на котором осуществляется судопроизводство, либо является несовершеннолетним, т.е. по аналогии должны распространяться некоторые случаи обязательного участия защитника, предусмотренные в ст. 51 УПК РФ, о чем ранее уже отмечалось [21. С. 74–79].

Одновременно с этим из изученных архивных материалов видно, что лицам, в отношении которых органами, исполняющими наказание, ставится вопрос о негативной коррекции назначенного по приговору суда наказания, судом разъяснялось право на привлечение адвоката, но по каким-то причинам осужденные, в отношении которых рассматривались материалы о негативной коррекции наказания, в основной своей массе не желали воспользоваться его услугами. Возможно, это было связано с последующим возложением на них расходов на оплату услуг привлекаемого адвоката, при низкой эффективности его участия в процессе.

Помимо того, что само по себе участие адвокатов по таким делам достаточно нечастое, в то же время при изучении материалов в архивах судов нередко выявляются случаи, когда адвокаты занимают неправильную, противоречащую интересам доверителя, либо пассивную, опять же противоречащую интересам доверителя позицию.

Так, например, при изучении материала 4/17-59/2020⁶, рассмотренного Зеленоградским районным судом Калининградской области по представлению руководителя Зеленоградского межрайонного филиала уголовно-исполнительной инспекции в отношении осужденного П. об изменении назначенного ранее приговором суда вида наказания, взятии под стражу и направлении в колонию-поселение для отбытия наказания, было установлено следующее: согласно информации, содержащейся в представлении, гр-н П., ранее осужденный к наказанию, не связанному с лишением свободы, с возложением на него определенных обязанностей, в частности, на него была возложена обязанность встать на учет и отмечаться в органах уголовно-исполнительной инспекции в назначенное инспекцией время. В период отбытия наказания, не связанного с лишением свободы, П. были допущены нарушения в виде неявки для отметки в назначенное уголовно-исполнительной инспекцией время. Согласно протоколу судебного заседания, П. не отрицал допущенные нарушения, не раскрывая причин, по которым эти нарушения были допущены. Интересы П. в судебном заседании представлял адвокат по соглашению К., который выразил свою позицию следующим образом: «Я связан мнением моего подзащитного, он согласен, у меня возражений нет». При этом из протокола судебного заседания не видно, что сторонами, а также судом исследовалась личность осужденного П., выяснялись причины, по которым им были допущены нарушения, его отношение как к допущенным нарушениям, так и возможности коррекции назначенного ранее приговором суда наказания в сторону ужесточения. В связи с этим встает вопрос – с чем был согласен и против чего не возражал адвокат? С тем, что подзащитным были допущены нарушения, или с ужесточением наказания, о чем просила уголовно-исполнительная инспекция?

Судом представление руководителя Зеленоградского межрайонного филиала уголовно-исполнительной инспекции было удовлетворено, осужденный П. был направлен для отбытия наказания в колонию-поселение.

Схожая ситуация произошла и при рассмотрении Зеленоградским районным судом Калининградской области представления об изменении вида наказания в отношении осужденного Г.⁷ В материалах дела отсутствуют какие-либо данные об исследовании личности осужденного, не выяснялись причины допущенных нарушений, сам Г. не отрицал, что им были допущены нарушения. Адвокат Д., участвовавший в рассмотрении материала по назначению суда, заявила: «Я поддерживаю своего подзащитного». Как следует из материалов дела, после удаления суда в совещательную комнату адвокат Д. покинул зал судебного заседания, с протоколом судебного заседания не ознакомился, апелляционную жалобу не подавал, а все его участие

было сведено к произнесению одной фразы. Встает вопрос: в чем поддерживал адвокат своего доверителя?

Одновременно с этим выяснилось, что адвокаты не всегда знакомы с особенностями рассмотрения судом материалов в порядке ст. 397 УПК РФ. Так, не все адвокаты знали, что, согласно ч. 7 ст. 399 УПК РФ и правовым позициям Конституционного Суда РФ, в этой стадии не проводятся прения, а лицу, в отношении которого рассматривается материал по представлению органов, исполняющих наказание, не предоставляется последнее слово⁸.

Можно сделать вывод, что в данном случае адвокаты не выполнили свою профессиональную функцию и фактически оставили своих подзащитных без защиты.

Так, следуя формальному толкованию закрепленного в п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»⁹ положения, адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора доверителя.

Но необходимо отметить, что в рассматриваемом положении закона ключевым является слово «воля». Под словом «воля» авторы понимают способность дееспособного человека на основе анализа сложившейся ситуации принимать осмысленные решения и добиваться их выполнения.

При этом воля подзащитного в уголовном судопроизводстве всегда должна быть явно выраженной в высказываниях, не допускающих двойного толкования, например: «Я согласен, что умышленно допустил нарушения возложенных на меня обязанностей, и готов за это понести ответственность в виде ужесточения назначенного мне ранее наказания».

В рассмотренных нами случаях воля подзащитного на ухудшение его положения посредством изменения на более строгий вид наказания не была выражена, следовательно, положение, запрещающее адвокату занимать иную позицию, в данном случае было неприменимо, и, соответственно, в этой ситуации адвокат должен был бороться за улучшение положения своего доверителя.

Можно привести еще один пример, когда адвокат не смог отстоять права своего подзащитного. Так, Невский районный суд Санкт-Петербурга по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменил условное осуждение гр-на И. и направил его для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима. Поводом для обращения в суд послужило систематическое неисполнение возложенных на осужденного И. обязанностей и привлечение его к административной ответственности за нарушение общественного порядка. При этом суд рассмотрел материал в отсутствие осужденного, чем нарушил требования закона, в соответствии с которым отмена условного осуждения в отсутствие самого лица возможна только по такому основанию, как сокрытие от контроля или объявление данного осужденного в розыск. Адвокат в процессе судебного разбирательства общими фразами возражал против рассмотрения материалов в отсутствие осужденного, не ссылаясь при этом на действующее законодательство,

правовые позиции, высказанные Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, в поданной апелляционной жалобе доводы об отмене решения никак не мотивировал, ограничившись общими фразами¹⁰.

И в данном случае также можно констатировать, что адвокат оставил своего доверителя без защиты и не выполнил в полном объеме возложенные на него обязанности.

Заключение

В стадии исполнения приговора такие принципы уголовного судопроизводства, как законность, состязательность, право на защиту, равенство сторон, реализуются в ином формате и в иных границах по сравнению с другими стадиями уголовного процесса. Это, в первую очередь, связано с тем, что системообразующая функция уголовного судопроизводства – обвинение в совершении преступления отсутствует в полном объеме, поскольку в стадии исполнения приговора она реализована вступившим в законную силу и начавшем исполняться приговором.

Вместе с тем отсутствие обвинения не исключает наличие спора между стороной исполнения наказания и осужденным. При этом объектом спора выступают права и законные интересы осужденного. Разрешение этого спора возложено на суд по месту отбывания осужденным наказания.

Право на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора осужденному как составная часть права на защиту, несмотря на отсутствие спора о виновности доверителя в совершении преступления, реализуется посредством оказания квалифицированной юридической помощи как со стороны адвоката, так и иных лиц для защиты прав и законных интересов осужденного и имеет своей целью улучшение его положения.

Адвокат, исходя из требований действующего законодательства, должен честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами¹¹. Именно отстаивать, а не имитировать защиту и отстаивание законных прав и интересов доверителя. А законный интерес доверителя в данном случае заключался в том, чтобы его положение не было ухудшено по сравнению с действующим на современном этапе.

Алгоритм действий адвоката в случае вступления в дело при рассмотрении судом материалов о негативной коррекции наказания в отношении осужденного должен быть следующим:

- предварительное изучение материалов дела (как показывает анализ, значительное количество дел данной категории содержит те или иные нарушения, которые остаются без реагирования со стороны суда, поскольку стороны на них не обращают внимание¹²);

- выяснение в полном объеме наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ¹³, а также не вошедших в указанный перечень, но выработанных сложившейся судебной практикой (например, наличие заболеваний, участие в боевых действиях и т.д.), в том числе выяснение причин, по которым судом при рассмотрении уголовного дела по существу было

назначено наказание, не связанное с лишением свободы;

- выяснение причин, по которым были допущены нарушения (проживание в отдаленной местности, транспортные сложности при попытке добраться, проблемы со здоровьем, отсутствие связи и т.д.);

- личное отношение к допущенным нарушениям;

- выяснение отношения потерпевшего к ухудшению положения осужденного [22. С. 161–165];

- оценка информации, содержащейся в предоставленных суду материалах, на предмет относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности достаточности для вынесения судом законного и обоснованного решения, в том числе и оценка содержащихся в материалах объяснений, которые зачастую не содержат информации, позволяющей суду сделать законный и обоснованный вывод по представленному материалу [23. С. 82–86; 24. С. 49–53];

- заявление перед судом ходатайства об отложении рассмотрения материала для обжалования действий сотрудников органа исполнения наказания в порядке, установленном КАС РФ. Вполне вероятно,

что в результате обжалования действий сотрудников органа исполнения наказания будет получен позитивный результат для подзащитного, о чем отмечает Е.Э. Попова [25. С. 51].

Выяснение и выполнение всех вышеперечисленных обстоятельств позволили бы адвокату исполнить в полном объеме возложенные на него обязанности, и не исключено, что суд не согласился бы с доводами органа исполнения наказания, тем самым не было допущено негативной коррекции наказания и удалось бы избежать ухудшения положения осужденного.

Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что право на доступ к квалифицированной юридической помощи для осужденного в стадии исполнения приговора является неотъемлемым элементом конституционного права на защиту в уголовном судопроизводстве. Указанное право должно быть доступным и реализовываться посредством привлечения адвоката как единственного субъекта, на которого возложена обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Примечания

¹ «По жалобе гражданина Слюсаря Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Определения Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 351-О; «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгеля Зазы Ревазовича»: Постановление Конституционного Суда от 26 декабря 2003 г. № 20-П // СПС «Консультант Плюс».

² На взгляд авторов, в данном случае необходимо вести речь не о доказательствах, а об информации, которая имеет доказательственное значение, и только после проверки и оценки судом в ходе судебного разбирательства информация либо приобретет статус доказательства и на ее основе будет принято судом решение, либо будет исключена из процесса доказывания.

³ Вопросы предмета доказывания и пределов доказывания в стадии исполнения приговора будут рассмотрены авторами в следующей статье.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей ред.) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Материал № 4/17-59/2020 в отношении осужденного П. // Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области

⁷ Материал № 4/17-75/2020 в отношении осужденного Г. // Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3335-О // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Материал № 4/8-47/2024 в отношении осужденного И. // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

¹¹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

¹² Так, например, при изучении материала 4/17-75/2020 в отношении осужденного Г. было установлено, что представление об изменении ранее назначенного наказания по приговору суда было подписано старшим инспектором Зеленоградского межмуниципального филиала УИИ УФСИН России по Калининградской области, не имевшей на это полномочий, тем не менее судом оно было рассмотрено и по нему было вынесено решение. Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

Список источников

1. Качалов В.И. Способы корректировки судом приговора при его исполнении // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 106–111.
2. Воронин О.В. О функциональном содержании деятельности адвоката осужденного в стадии исполнения приговора // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 2–5.
3. Левченко О.В., Камардина А.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства судом в стадии исполнения приговора. М., 2013. 192 с.
4. Николок В.В. Прав ли Верховный Суд РФ, даже если он «Верховный»? (К вопросу о современной трактовке содержания права на защиту в уголовном судопроизводстве) // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Всерос. конф. 2015. С. 263–270.
5. Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 136 с.
6. Щербаков Г.В., Баламут А.Н., Кряжева С.Г. Психологические критерии исправления осужденных: возможность разработки и проблемы внедрения // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2(66). С. 196–203.
7. Кауфман М.А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.
8. Конин В.В. О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 102–107.

9. Быданцев Н.А. Заметки «на скорую руку» о процессуальном порядке применения статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 95–101.
10. Марьина Е.В. Реализация принципа законности при пересмотре приговора // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года / под ред. К.Б. Калиновского. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 268–273.
11. Жусипбекова А.М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 19–23.
12. Россинский С.Б. Собираание доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 47–54.
13. Крылов А.А. Адвокатская деятельность по модели защиты в уголовно-исполнительном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 128–133.
14. Качалов В.И. Об участии прокурора в стадии исполнения итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 59–64.
15. Якимович Ю.К. Участие адвоката в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 80–84.
16. Корниенко В. Право осужденного на защиту при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное право. 2006. № 3. С. 69–73.
17. Безлепкин Б.Т. Справочник адвоката по уголовному процессу: [разъяснения текста УПК, решения Конституц. Суда РФ, практика Верхов. Суда РФ, указ. основных уголов.-процессуал. понятий и ин-тов]. М. : Проспект, 2004. 676 с.
18. Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2015. № 2 (35). С. 3–8.
19. Камардина А.А. Проблемы реализации права на защиту и принципа состязательности в стадии исполнения приговора // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. № 4 (28). С. 302–304.
20. Калущих А.М. К вопросу об участии защитника в стадии исполнения приговора // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 34–37.
21. Конин В.В., Суханкина Л.И. Прово осужденного на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора с возложением расходов на бюджет // Современное право. 2020. № 2. С. 74–79.
22. Кругликов Л.Л. Об учете мнения потерпевшего в процессе дифференциации и индивидуализации уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 161–165.
23. Качалов В.И. Ненадлежащие субъекты получения доказательств // Российское правосудие. 2023. № 4. С. 82–86.
24. Конин А.В. Объяснение как основа информационной модели будущего допроса // Допустимость показаний в уголовном процессе: Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 19 декабря 2020 года. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 49–53.
25. Попова Е.Э. Взаимосвязь назначения и исполнения уголовного наказания как показатель эффективности его применения // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2 (7). С. 49–52.

References

1. Kachalov, V.I. (2017) Sposoby korrektyrovki sudom prigovora pri ego ispolnenii [Ways for the Court to Adjust a Sentence During its Execution]. *Pravovaya paradigma*. 16 (3). pp. 106–111.
2. Voronin, O.V. (2012) O funktsional'nom soderzhanii deyatelnosti advokata osuzhdenного v stadii ispolneniya prigovora [On the Functional Content of the Activity of a Convict's Lawyer at the Stage of Sentence Execution]. *Advokatskaya praktika*. (2). pp. 2–5.
3. Levchenko, O.V. & Kamardina, A.A. (2013) *Realizatsiya printsipov ugovornogo sudoproizvodstva sudom v stadii ispolneniya prigovora* [Implementation of the Principles of Criminal Proceedings by the Court at the Stage of Sentence Execution]. Moscow.
4. Nikol'yuk, V.V. (2015) [Is the Supreme Court of the Russian Federation Right, Even if it is "Supreme"? (On the Modern Interpretation of the Content of the Right to Defense in Criminal Proceedings)]. *Sovremennoe ugovorno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Modern Criminal Procedural Law of Russia - Lessons from History and Problems of Further Reform]. Conference Proceedings. S.I. pp. 263–270. (In Russian).
5. Sviridov, M.K. (1972) *Poryadok razresheniya del ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya* [The Procedure for Considering Cases of Parole]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Shcherbakov, G.V., Balamut, A.N. & Kryazheva, S.G. (2024) Psikhologicheskie kriterii ispravleniya osuzhdennykh: vozmozhnost' razrabotki i problemy vnedreniya [Psychological Criteria for the Correction of Convicts: Possibility of Development and Problems of Implementation]. *Penitentsiarnaya nauka*. 18 (2) 66. pp. 196–203.
7. Kaufman, M.A. (2018) Uklonenie ot ispolneniya i otyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo postkriminal'nogo povedeniya i yego ugovorno-pravovoe znachenie [Evasion of Execution and Serving of Punishment as a Type of Negative Post-Criminal Behavior and its Criminal Legal Significance]. *Ugovolnoe pravo*. 1. pp. 53–60.
8. Konin, V.V. (2016) O publichnom i chastnom interese v stadii ispolneniya prigovora [On Public and Private Interest at the Stage of Sentence Execution]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*. 3. pp. 102–107.
9. Bydantsev, N.A. (2018) Zametki "na skoruyu ruku" o protsessual'nom poryadke primeneniya stat'i 72 Ugovol'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (v redaktsii Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2018 g. № 186-FZ) [Quick Notes on the Procedural Procedure for Applying Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation (as amended by Federal Law No. 186-FZ of July 3, 2018)]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*. 3. pp. 95–101.
10. Mar'ina, E.V. (2021) Realizatsiya printsipa zakonnosti pri peresmotre prigovora [Implementation of the Principle of Legality in the Review of a Sentence]. In: Kalinovskiy, K.B. (ed.) *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh resheniy v ugovolnom protsesse* [Checking the Legality and Validity of Court Decisions in Criminal Proceedings]. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion". pp. 268–273.
11. Zhushipbekova, A.M. (2022) Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugovolnomu delu [Examination of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3 (35). pp. 19–23.
12. Rossinsky, S.B. (2024) Sobiraniye dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste Sheyferovskoy teorii sledstvennykh deystviy (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya) [Gathering Evidence vs Examining Evidence in the Context of Shafer's Theory of Investigative Actions (on the 100th Anniversary of the Teacher's Birth)]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 10 (3). pp. 47–54.
13. Krylov, A.A. (2022) Advokatskaya deyatelnost' po modeli zashchity v ugovolno-ispolnitel'nom sudoproizvodstve [Lawyer's Activity According to the Defense Model in Criminal-Executive Proceedings]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova*. 4 (93). pp. 128–133.
14. Kachalov, V.I. (2017) Ob uchastii prokurora v stadii ispolneniya itogovykh sudebnykh resheniy v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii [On the Participation of the Prosecutor in the Stage of Execution of Final Court Decisions in Russian Criminal Proceedings]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 4 (60). pp. 59–64.
15. Yakimovich, Y.K. (2015) Participation of a Lawyer in Criminal Procedure. *Ugovolnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (5). pp. 80–84. (In Russian).

16. Kornienko, V. (2006) Pravo osuzhdenogo na zashchitu pri rassmotrenii sudom voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora [The Right of the Convict to Defense When the Court Considers Issues Related to the Execution of the Sentence]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 69–73.
17. Bezlepkina, B.T. (2004) *Spravochnik advokata po ugolovnomu protsessu: [raz"yasneniya teksta UPK. resheniya Konstituts. Suda RF. praktika Verkhov. Suda RF. ukaz. osnovnykh ugolov.-protsessual. ponyatiy i in-tov]* [Lawyer's Handbook on Criminal Procedure: [Explanations of the text of the Code of Criminal Procedure. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Index of Basic Criminal Procedural Concepts and Institutions]]. Moscow: Prospekt.
18. Larin, E.G. (2015) Novye raz"yasneniya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii o prave na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve [New Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on the Right to Defense in Criminal Proceedings]. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2 (35). pp. 3–8.
19. Kamardina, A.A. (2010) Problemy realizatsii prava na zashchitu i printsipa sostyazatel'nosti v stadii ispolneniya prigovora [Problems of Realizing the Right to Defense and the Principle of Adversarial Proceedings at the Stage of Sentence Execution]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 4 (28). pp. 302–304.
20. Kalutskikh, A.M. (2016) K voprosu ob uchastii zashchitnika v stadii ispolneniya prigovora [On the Issue of the Participation of a Defender at the Stage of Sentence Execution]. *Advokatskaya praktika*. 3. pp. 34–37.
21. Konin, V.V. & Sukhankina, L.I. (2020) Pravo osuzhdenogo na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v stadii ispolneniya prigovora s vozlozheniem raskhodov na byudzheth [The Right of the Convict to Qualified Legal Assistance at the Stage of Sentence Execution with the Costs Borne by the Budget]. *Sovremennoe pravo*. 2. pp. 74–79.
22. Kruglikov, L.L. (2022) Ob uchete mneniya poterpevshego v protsesse differentsiatsii i individualizatsii ugolovnogo nakazaniya [On Taking into Account the Opinion of the Victim in the Process of Differentiation and Individualization of Criminal Punishment]. *Penitentsiarnaya nauka*. 16 (2 (58)). pp. 161–165.
23. Kachalov, V.I. (2023) Nenadlezhashchie sub"yekty polucheniya dokazatel'stv [Improper Subjects of Obtaining Evidence]. *Rossiyskoe pravosudie*. 4. pp. 82–86.
24. Konin, A.V. (2021) Ob"yasnenie kak osnova informatsionnoy modeli budushchego doprosa [Explanation as the Basis of an Information Model for a Future Interrogation]. In: *Dopustimost' pokazaniy v ugolovnom protsesse* [Admissibility of Testimony in Criminal Procedure]. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion". pp. 49–53.
25. Popova, E.E. (2022) Vzaimosvyaz' naznacheniya i ispolneniya ugolovnogo nakazaniya kak pokazatel' effektivnosti yego primeneniya [The Relationship Between the Imposition and Execution of Criminal Punishment as an Indicator of the Effectiveness of its Application]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 2 (7). pp. 49–52.

Информация об авторах:

Конин В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия); адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Кудрявцева А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия); судья Санкт-Петербургского городского суда (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: acifna@mail.ru

Петров А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Konin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation); lawyer, Saint Petersburg Chamber of Lawyers (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

A.V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Law), professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation); judge, Saint Petersburg City Court (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

A.V. Petrov, Dr. Sci. (Law), professor, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.